

Анна Николаевна ТАРАСОВА¹
Елена Владимировна АНДРИАНОВА²

УДК 316.4

**ОСНОВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ
В НЕФОРМАЛЬНУЮ ЗАНЯТОСТЬ
РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ
ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ¹**

¹ кандидат социологических наук,
доцент кафедры менеджмента,
маркетинга и логистики,
Тюменский государственный университет
a.n.tarasova@mail.ru

² кандидат социологических наук,
и. о. зав. кафедры общей и экономической социологии,
Тюменский государственный университет
e.a.andrianova@utmn.ru

Аннотация

В статье изучается проблема вовлечения населения России в неформальную занятость. На основе анализа социально-демографических характеристик неформально занятых работников и особенностей их трудовой мотивации выделены основные механизмы вовлечения в неформальную занятость. Это дискриминационный, когда работники вытесняются с официального рынка труда, и предпринимательский, при котором уход в неформальную занятость позволяет избежать издержек «законопослушания». Соответственно, каждый из этих механизмов формирует свой специфический кластер неформально занятых работников. Сделано описание этих кластеров. Эмпирической

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-03-00500.

Цитирование: Тарасова А. Н. Основные механизмы вовлечения в неформальную занятость различных социально-демографических групп населения / А. Н. Тарасова, Е. В. Андрианова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. Том. 3. № 2. С. 53-65.
DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-2-53-65

базой работы послужили данные мониторинговых социологических исследований 2006-2016 гг. с объемом выборок не менее 1 500 человек. Репрезентативность исследования гарантирована точным соответствием структуры выборки структуре генеральной совокупности по параметрам: пол, возраст, тип поселения (город/село) и образование. Ошибка выборки по одному признаку менее 3%.

Ключевые слова

Рынок труда, неформальная занятость, кластеры неформально занятых, трудовая мотивация, трудовые отношения, механизм вовлечения.

DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-2-53-65

Введение

Следствием проводимых в России в 1990-е гг. реформ стало снятие запретов на безработицу и дополнительную занятость. Государство, сделав сферу труда «рыночной», на многие нарушения прав наемных работников стало смотреть сквозь пальцы, что привело к росту теневых процессов на рынке труда и увеличению масштабов неформальной занятости. Результатом такой политики стало систематическое недополучение средств в бюджет, в фонды обязательного медицинского и пенсионного страхования. Учитывая специфику неформальной занятости, ее скрытность, оценить масштабы этих потерь достаточно сложно. Оценки исследователей, использующих различные оценочные методы, представлены слишком широким диапазоном — от 15 до 45% всего трудоспособного населения страны. Например, Росстат, оценивая разницу между расходами и зарегистрированными доходами домохозяйств, называет сумму скрытой части доходов около 10 трлн руб. В представленном Министерством финансов проекте «Основных направлений бюджетной политики» (ОНБП) на 2017-2019 гг. отмечено, что, по разным оценкам, объем серых зарплат составляет около 5 трлн руб. в год [10]. Широкое распространение данного явления обращает на себя все большее внимание государства. И в настоящее время в уже упомянутом проекте ОНБП Министерства финансов в качестве одной из первоочередных мер заявлена необходимость борьбы с «феноменом серых зарплат».

Но, несмотря на рост интереса к неформальной занятости как со стороны научной общественности, так и со стороны учреждений государственной власти, далеко не все аспекты этой проблемы хорошо изучены. Большинство исследователей делают акцент на оценке масштабов распространения неформальной занятости и «подсчете потерь» от нее. Принимая во внимание теневой характер явления и использование разных методов оценки, диапазон разброса полученных результатов оказывается очень широким. При этом для решения проблемы неформальной занятости нужна не столько точная оценка ее масштаба, сколько понимание механизмов, провоцирующих ее появление и распространение. Именно поиск закономерностей развития неформальной за-

нятости и выявление факторов, способствующих вовлечению работников в неформальную занятость, является целью настоящей работы. Знание специфики развития формальной и неформальной занятости в стране дает возможность более точного прогнозирования последствий государственного вмешательства в трудовую сферу. В качестве задач исследования выделены: построение социально-демографического портрета неформально занятых работников, анализ особенностей трудовой мотивации работников с разным типом занятости, сравнение их социального самочувствия и отношения к государственным институтам.

Обзор концепций неформальной занятости

В работе были рассмотрены статьи по теме из баз данных Ebsco, Emerald, Elsevier, eLibrary. Изучены публикации, рассматривающие проблему неформальной занятости в разных странах [13, 16-18, 20]. Впервые обнаружив явление неформальной занятости, исследователи рассматривали его как признак бедности и неразвитости рынка труда, характерный для развивающихся стран [6, 12]. Такого мнения придерживаются некоторые исследователи и сейчас [17]. Но, учитывая, что неформальная занятость обнаружена практически везде, в том числе в странах с развитой рыночной экономикой и даже в бывшем СССР [19], такая оценка является слишком упрощенной.

При рассмотрении неформальной занятости прежде всего важно четко понимать, что имеется в виду под этим определением. Разными авторами может закладываться близкий, но все же отличающийся смысл этого понятия, что при сравнении результатов исследований ведет порой к ошибочным выводам [15]. Практически все концепции неформальной занятости делают акцент на специфическом отношении к государству и закону. К примеру, Д. Гершуни признаком неформальной («скрытой») деятельности называет осуществление сделок в обход государственных правил и постановлений, сокрытие деятельности от властей [4, с. 344]. Таким образом, подчеркивается незарегистрированность, неучтенность неформальной занятости.

По критерию отсутствия регистрации возможно разграничить формальную и неформальную занятость. Но что считать незарегистрированностью? Имеется несколько подходов. Во-первых, не регистрируется экономическая деятельность предприятия. В этом случае к неформально занятым относятся все работающие в неформальной (или теневой) экономике [8, с. 3]. Во-вторых, не регистрируется факт трудоустройства. Согласно этому подходу, к неформально занятым относятся все работающие без трудового договора. Причем это могут быть занятые как в неформальном, так и в формальном секторе экономики, как наемные работники, имеющие лишь устную договоренность с работодателем, так и самозанятые [16]. Развивая и синтезируя эти два подхода, можно выделить еще одно направление, когда в качестве неформальной занятости исследователями понимается занятость недекларируемая, при которой имеется расхождение между фактической и официально зарегистрированной оплатой труда, т. е. вы-

плата заработной платы из так называемой «черной кассы» с целью сокрытия налогов [1, 7]. Особое внимание при этом уделяется роли социальных связей на рынке труда [14].

В рамках данной статьи неформальная занятость определена как занятость, осуществляемая без официального оформления трудовых отношений, на основе одной только «личной договоренности» работодателя и работника.

Материалы и методы исследования

Эмпирической базой работы послужили результаты мониторинговых социологических исследований 2006-2016 гг., проводимых методом анкетного опроса населения Тюменской области в возрасте от 18 лет. Изучалось мнение простых людей как представителей рынка труда, что продиктовано задачами исследования по выявлению групп населения, осуществляющих свою деятельность без официального оформления трудовых отношений. Всего было опрошено 1 500 чел. в 2006 г., 1 560 чел. в 2009 г. и 1 514 чел. в 2016 г. Структура выборки моделировалась в точном соответствии со структурой генеральной совокупности по параметрам: пол, возраст, тип поселения (город/село) и образование. Ошибка выборки по одному признаку менее 3% (2,5-2,6%), что обеспечивает высокую репрезентативность полученных результатов исследования.

Для анализа социологических данных использованы различные статистические методы. Для оценки значимости различий между подвыборками с формальной и неформальной формой занятости применялся непараметрический тест Манна и Уитни. Выявление взаимосвязей между переменными осуществлялось с помощью корреляционного анализа. Кластерный анализ применялся для сегментирования неформально занятого населения.

Основные результаты

В ходе опроса населения Тюменской области был задан вопрос: «Если Вы работаете сегодня, то имеете ли Вы письменный трудовой договор?». Положительно на него ответили 64% респондентов в 2006 г., 63% — в 2009 г. и 62% — в 2016 г. Отметили отсутствие трудового договора 8% в 2006 и 2009 гг. и 11% в 2016 г., т. е. примерно каждый десятый однозначно может быть отнесен к неформально занятым, причем за прошедшее десятилетие ситуация принципиально не изменилась. Обращает на себя внимание и тот факт, что около 30% опрошенных либо затруднились с ответом, либо вообще отказались отвечать на данный вопрос. Высокий процент отказов от ответа может быть связан, во-первых, с нежеланием людей афишировать факт своего участия в неформальной занятости. Во-вторых, с непостоянным характером неформальной занятости (как правило, работники используются не на постоянной основе, а для выполнения сезонных, временных работ). В-третьих, быть свидетельством «сближения формальных и неформальных практик и парадоксального схождения формальной и неформальной занятости», отмеченного С. Ю. Барсуковой [1, с. 4], т. е. работники не знают, как ответить на поставленный вопрос в ситуации,

когда трудовой договор вроде бы и есть, но он является полной фикцией и не выполняется, а основная часть зарплаты выплачивается «в конверте».

Неформальная занятость распространена преимущественно на предприятиях частной собственности, где каждый пятый работник (20%) работает без оформления трудового договора. Среди тех, кто работает на себя (в фирме, находящейся в своей собственности), 17% опрошенных официально это не регистрируют. Но не только частный сектор является источником неформальной занятости. Данное явление настолько распространено, что даже среди работников государственных предприятий и бюджетных организаций около 6% опрошенных отметили, что они работают без оформления трудового договора. Наиболее высок уровень неформальной занятости в сфере услуг: 18% работников не имеют трудового договора. Среди работников торговли 22%, а среди работников сельского хозяйства 15% опрошенных официально не трудоустроены.

Выявление социально-демографических характеристик неформально занятого населения позволяет определить тип человеческого капитала, исключенного из орбиты официальной экономики, а также перспективы его формализации. Пол, возраст и уровень образования относятся к основным характеристикам, определяющим предпосылки для включения человека в неформальную занятость [16, 17]. Многие исследования начала 2000-х гг. (в том числе и наше) показывали, что мужчины чаще оказывались неформально занятыми, чем женщины [3, с. 45; 11, с. 214]. В 2006 г. еще сохранялась отмеченная гендерная разница: доля неформальной занятости среди мужчин в 1,4 раза выше, чем среди женщин. Но уже к 2008 г. эти различия почти стираются (разница на уровне ошибки выборки — менее 3%), а в 2016 г. доля неформальной занятости, и среди мужчин, и среди женщин одинакова — 11%.

Чаще прочих вовлечены в неформальную занятость люди в возрасте до 25 лет (18% всех работающих молодых людей) и старше 50 лет (14% всей группы), среди остальных возрастных групп уровень неформальной занятости в пределах 9% опрошенных. Молодежь оказывается наиболее вовлеченной в неформальную занятость в силу того, что, с одной стороны, отсутствие опыта затрудняет официальное трудоустройство, с другой, формирование будущей пенсии как одно из основных преимуществ официального трудоустройства для молодежи оказывается мало актуализированным. Люди старшего возраста вытесняются с официального рынка труда, но для обеспечения более или менее приемлемого уровня жизни многие стараются где-то подработать, как правило, без соответствующего оформления своей деятельности.

Важным параметром, статистически значимо различающимся в группах респондентов с формальной и неформальной занятостью, является уровень образования. Люди с высоким уровнем образования значительно реже работают без оформления трудового договора. Согласно опросу 2016 г., среди людей с высшим образованием доля неформально занятых лишь 6%, среди людей, имеющих послевузовское образование — 2% (для сравнения: в целом по выборке — 11%).

Принято считать, что неформальная занятость связана с бедностью и нарушениями прав работника. Исходя из этого, было выдвинуто предположение, что самооценка материального положения и социальное самочувствие у «неформалов» ниже, чем у официально занятых работников. Однако эта гипотеза не подтвердилась. Анализ показал, что статистически значимых отличий между работниками с разным типом занятости нет ни по одному из рассматриваемых параметров социального самочувствия (самооценка материального положения, удовлетворенность жизнью, социальный оптимизм, защищенность от опасностей, сводный показатель социального самочувствия). Парадоксально, но даже на вопрос «Сталкивались ли вы с нарушениями права на труд?» неформально занятые, у которых априори отсутствие трудового договора может рассматриваться как нарушение, дают такое же распределение ответов, что и работники с формальной занятостью. И среди тех, кто имеет трудовой договор, и среди тех, у кого его нет, 27% опрошенных сталкивались с нарушениями своих прав и 65-66% отметили, что не сталкивались с такими нарушениями. Важность соблюдения данного права, опять же, и для тех, и для других примерно одинакова (88-89%).

Но использование усредненных оценок мало показательно, поскольку состав неформально занятого населения очень разнообразен. По социальному статусу кластерный анализ позволил выделить две основные группы «неформалов», принципиально разных по своей структуре и своим характеристикам. Первая группа — это люди в возрасте от 25 до 40 лет, по роду деятельности предприниматели, руководители предприятий, высококвалифицированные специалисты, самозанятые с более высоким уровнем образования и квалификации. Соответственно, уровень материального положения и социального самочувствия у них значительно выше. Вторая группа — это наемные рабочие средней и низкой квалификации, без высшего образования. Именно эта категория людей оказывается наиболее уязвимой на рынке труда: они в 1,5 раза чаще отмечают нарушения своих прав на труд по сравнению с «неформалами» первого кластера. Уровень доверия (представлен на рисунке 1) и к работодателям, и к бизнес-сообществу, и к государственным институтам у этой группы «неформалов» крайне низок.

При проведении исследования выдвигалась гипотеза о том, что неформально занятые более активны на рынке. Однако рыночная мотивация характерна лишь для более образованных «неформалов»: среди них почти каждый третий (28%) готов иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск (среди официально трудоустроенных — 15%). А вот среди малоквалифицированных «неформалов» (2 кластер) преобладает мотивация иметь небольшой, но твердый заработок и больше свободного времени (28%).

Считается, что одной из причин распространения неформальной занятости является потребность в заработках, т. е. люди нуждаются в деньгах, а сокрытие занятости позволяет уйти от налогов и тем самым увеличить заработок. Но анализ ответов респондентов на ряд вопросов показал, что неформальная за-

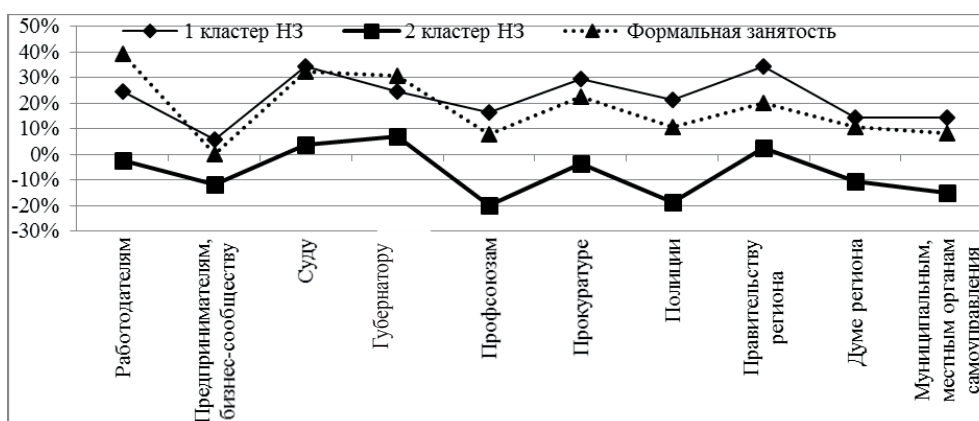

Рис. 1. Уровень доверия* к работодателям, бизнесу и государственным институтам среди групп неформально занятого населения (НЗ) и официально трудоустроенных (формальная занятость)

* Уровень доверия рассчитан как разница между долей доверяющих и не доверяющих в %

Источник: построено авторами

Fig. 1. The level of trust* for employers, businesses and public institutions among informally employed groups (H3) and officially employed (формальная занятость)

* The level of trust is calculated as the difference between the percentage of trusting and not trusting people in %

Source: composed by authors

нятость объясняется не только стремлением к более высоким заработкам, но в большей мере недоверием к государственным институтам и низкой ценностью в глазах респондентов будущих социальных гарантий. Как отмечают В. Е. Гимпельсон и Р. И. Капелюшников, рост неформальной занятости провоцируется недоверием к формальным институтам, неудовлетворенностью качеством регулирования, отсутствием единых правил игры для всех. Но связь эта двусторонняя: неформальность способствует дальнейшей институциональной эрозии [2, с. 8]. «Между формальной и неформальной занятостью существуют сложные и разнообразные связи. И если мы начнем зажимать неформальный сектор, от этого может пострадать и формальный» [5]. Но при разработке государством мер борьбы с неформальным сектором эти сложные взаимосвязи между формальной и неформальной занятостью никак не учитываются.

Потеря значительной части потенциальных поступлений в бюджет в результате роста неформальной занятости в России активизирует государство на поиск мер борьбы с этим явлением. В настоящее время в России установлены штрафы за уклонение от заключения трудовых договоров: от 10 тыс. руб. для индивидуальных предпринимателей до 100 тыс. руб. для компании. Штраф в 5 тыс. руб. ожидает и работника при повторном нарушении. Разрабатывается ряд мер по «выведению из тени» самозанятых. По утверждению Министерства труда, предпринятые меры по снижению неформальной занятости помогли в 2015 г.

легализовать более чем 2 млн человек. При этом, по данным Росстата, доля неформально занятых за этот год выросла с 20,8 до 21,2% [9]. Налицо явное противоречие, свидетельствующее о неэффективности предпринимаемых государством мер.

Выводы

Несмотря на все усилия государства, неформальный рынок труда в России продолжает расти. При этом граница между формальной и неформальной занятостью оказывается очень размытой. Официальное трудоустройство вовсе не дает гарантии полного соблюдения прав работника, а неформальная занятость далеко не всегда связана с обманом. Если соблюдаются устные договоренности с работодателем, то работники, как правило, считают, что их права не нарушены, независимо от того, насколько эти самые договоренности соответствуют или не соответствуют требованиям закона. Отсутствие трудового договора воспринимается населением не как правовое нарушение, а как обыденная практика (возможно, не слишком желательная для работника, но, в общем-то, привычная).

Неформальный сектор неоднороден, и составляющие его основные части в социально-демографическом плане очень сильно различаются между собой. Для одних людей неформальная занятость ведет к снижению дохода и не дает защиты действующими социальными гарантиями, но при этом служит некоторой защитой от безработицы и еще большей бедности. Для другой части «неформалов» — это возможность поставить «на ноги» свой бизнес в условиях чрезмерного государственного регулирования. Как правило, по мере развития и укрепления бизнеса появляется желание формализоваться. Таким образом, с одной стороны, неформальная занятость помогает населению приспособиться, адаптироваться к новым экономическим условиям, с другой — усиливает дестабилизацию в обществе, не позволяя укрепиться новой рыночной системе.

Нынешняя государственная политика в России сдерживает рост наиболее эффективных секторов, искажает конкуренцию, ухудшает экономические перспективы, что в итоге повышает неопределенность в экономическом поведении работников практически всех отраслей народного хозяйства и провоцирует воспроизводство неформальной занятости. И хотя чисто административный подход к регулированию рынка труда уже доказал свою неэффективность, государство упорно пытается использовать его для борьбы с неформальной занятостью. В результате предпринимаемые государством меры влекут весьма неоднозначные социальные и экономические последствия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барсукова С. Ю. Формальное и неформальное трудоустройство: парадоксальное сходство на фоне очевидного различия / С. Ю. Барсукова // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 3-15.

2. В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда / под общ. ред. В. Е. Гимпельсона и Р. И. Капелюшников. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2014.
3. Варшавская Е. Неформальная занятость: к портрету «известной незнакомки» / Е. Варшавская, И. Донова // Человек и труд. 2003. № 11. С. 45.
4. Гершуни Дж. Бюджеты времени и неформальная экономическая деятельность / Дж. Гершуни // Неформальная экономика. Россия и мир. М.: Логос, 1999. С. 343-355.
5. Гимпельсон В. Е. Треть россиян предпочитают «теневой» труд / В. Е. Гимпельсон // Официальный сайт Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». 15.07.2013. URL: <https://iq.hse.ru/news/177669569.html> (дата обращения: 20.10.2016).
6. Де Сото Э. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире / Э. де Сото; пер. с англ. Б. Пинскер. М.: Catallaxy, 1995. 320 с.
7. Заславская Т. И. Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России / Т. И. Заславская, М. А. Шабанова // Социологические исследования. 2002. № 4. С. 3-17.
8. Латов Ю. В. Экономика вне закона: очерки по теории и истории теневой экономики / Ю. В. Латов. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. 284 с.
9. Малышева Е. Самозанятых выведут из тени / Е. Малышева // Газета.ру. 17.02.2016. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2016/02/16/8077541.shtml> (дата обращения: 20.10.2016).
10. Минфин и Росстат расходятся в оценках объема серых зарплат // Новостная лента журнала «Коммерсант.ру». 17.10.2016. URL: <http://kommersant.ru/doc/3118422> (дата обращения: 20.10.2016).
11. Тарасова А. Н. Социально-демографические характеристики неформально занятого населения на рынке труда г. Тюмени / А. Н. Тарасова // Социология сегодня: мозаика направлений, подходов и методов: материалы Всероссийской научной конференции «XXI век: новые горизонты гуманитарных наук», посвященной 15-летию социологического факультета Самарского ГУ. Т. 1. Самара: Универс-групп, 2004. С. 213-217.
12. Харт К. Неформальные доходы и городская занятость в Гане / К. Харт // Неформальная экономика. Россия и мир. М.: Логос, 1999. С. 532-536.
13. Bologna J. The Effect of Informal Employment and Corruption on Income Levels in Brazil / J. Bologna // Journal of Comparative Economics. August 2016. No 44 (3). Pp. 657-695. DOI: 10.1016/j.jce.2015.12.001
14. Granovetter M. The Sociological Approaches to Labor Market Analysis: A Social Structural View / M. Granovetter, R. Swedberg // The Sociology of Economic Life. Boulder: Westview Press, 1992. Pp. 233-257.
15. Gutmann P. M. Statistical Illusions, Mistaken Policies / P. M. Gutmann // Challenge, 1979. Vol. 6. No 22. Pp. 14-17.
16. Magidimisha H. H. Profiling South African gender inequality in informal self-employment / H. H. Magidimisha, S. Gordon // Journal of Gender Studies. 4 May 2015. No 24 (3). Pp. 275-292. DOI: 10.1080/09589236.2013.841569

17. Sahoo B. K. Heterogeneity and Participation in Informal Employment among Non-Cultivator Workers in India / B. K. Sahoo, B. J. Neog // *International Review of Applied Economics*. 19 November 2016. Pp. 1-31. DOI: 10.1080/02692171.2016.1257584 [In Press]
18. Selwaness I. Assessing the Impact of Trade Reforms on Informal Employment in Egypt / I. Selwaness, C. Zaki // *Journal of North African Studies*. 10 January 2015. DOI: 10.1080/13629387.2014.997717 [In Press]
19. *The Informal Economy: Studies in Advanced and Less Developed Countries* / edited by A. Portes, M. Castells, L. A. Benton. Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press, 1989. Pp. 135-149.
20. Xue Jinjun. Informal Employment and Its Effect on the Income Distribution in Urban China / Jinjun Xue, Wenshu Gao, Lin Guo // *China Economic Review*. 31 December 2014. Pp. 84-93. DOI: 10.1016/j.chieco.2014.07.012

Anna N. TARASOVA¹
Elena V. ANDRIANOVA²

MAIN MECHANISMS OF INVOLVEMENT IN THE INFORMAL EMPLOYMENT OF VARIOUS SOCIO-DEMOGRAPHIC POPULATION GROUPS¹

¹ Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor,
Department of Management,
Marketing and Logistics,
Financial and Economic Institute,
Tyumen State University
a.n.tarasova@mail.ru

² Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor,
Department of General and Economic Sociology,
Financial and Economic Institute,
Tyumen State University
e.a.andrianova@utmn.ru

Abstract

This article studies the problem of involving the population of Russia in informal employment. Based on analysis of social and demographic characteristics of informally busy workers and features of their labor motivation, the main mechanisms of involvement in informal employment are described. First of all, it is discrimination of workers, who are driven out of labor market, and the second reason is entrepreneurial intention to avoid expenses of “law-abiding”. Accordingly, each of these mechanisms constitutes specific cluster of informally busy workers. Specification of the clusters is also made. The empirical base of the work was the data of monitoring sociological surveys 2006-2016, with a sample size of at least 1,500 people. The representativeness of the research is guaranteed by the exact matching of the sample structure to the structure of the general population in terms of

¹ The research was supported by the Russian Foundation for Humanities, project no 16-03-00500.

Citation: Tarasova A. N., Andrianova E. V. 2017. “Main Mechanisms of Involvement in the Informal Employment of Various Socio-Demographic Population Groups”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 3, no 2, pp. 53-65.
DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-2-53-65

sex, age, type of settlement (town/village) and education. A sampling error of one criterion is less than 3%.

Keywords

Labor market, informal employment, clusters of informal workers, labor motivation, labor relations, the mechanism of involvement.

DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-2-53-65

REFERENCES

1. Barsukova S. Yu. 2003. "Formal'noe i neformal'noe trudoustroystvo: paradoksal'noe skhodstvo na fone ochevidnogo razlichiya" [Formal and Informal Employment: Paradoxical Similarity against the Background of Obvious Differences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 7, pp. 3-15.
2. Gimpelson V., Kapeliushnikov R. (eds.). 2014. "V teni regulirovaniya: neformal'nost' na rossiyskom rynke truda" [In the Shadow of Regulation: Informality in the Russian Labor Market]. Moscow: HSE.
3. Varshavskaya E., Donova I. 2003. "Neformal'naya zanyatost': k portretu 'izvestnoy neznakomki'" [Informal Employment: The Portrait of "An Unknown Woman"]. *Chelovek i trud*, no. 11, p. 45.
4. Gershoni J. 1999. "Byudzhety vremeni i neformal'naya ekonomicheskaya deyatel'nost'" [Budgets Time and Informal Economic Activity]. *Neformal'naya ekonomika. Rossiya i mir*, pp. 343-355. Moscow: Logos.
5. Gimpelson V. 2013. "Tret' rossiyan predpochitayut 'tenevoy' trud" [Third of Russians Prefer "Shadow" Labor]. Higher school of Economics Official Website. <https://iq.hse.ru/news/177669569.html> (accessed on 20 October 2016).
6. De Soto E. 1995. "Inoy put'. Nevidimaya revolyutsiya v tret'em mire" [The Other Path. The Invisible Revolution in the "Third" World]. Translated from English. Moscow: Catallaxy.
7. Zaslavskaya T. I., Shabanova M. A. 2002. "Nepravovye trudovye praktiki i sotsial'nye transformatsii v Rossii" [Illegal Labor Practices and Social Transformations in Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 4, pp. 3-17.
8. Latov Yu. V. 2001. "Ekonomika vne zakona: ocherki po teorii i istorii tenevoy ekonomiki" [Outside the Law Economy: Essays on the Theory and History of Shadow Economy]. Moscow: Moscow Public Scientific Fund.
9. Malysheva E. 2016. "Samozanyatykh vyvedut iz teni" [Self-Employed Will Be Withdrawn from the Shadows]. *Gazeta.ru*, 17 February. <https://www.gazeta.ru/business/2016/02/16/8077541.shtml> (accessed on 20 October 2016).
10. Kommersant.ru. 2016. "Minfin i Rosstat raskhodyatsya v otsenkakh ob'ema serykh zarplat" [The Ministry of Finance and Rosstat Differ in Evaluation of the Volume of "Grey Wages"]. 17 October. <http://kommersant.ru/doc/3118422> (accessed on 20 October 2016).
11. Tarasova A. N. 2004. "Sotsial'no-demograficheskie kharakteristiki neformal'no zanyatogo naseleniya na rynke truda g. Tyumeni" [Socio-Demographic Characteristics

- of Informal Employed Population in the Labour Market of Tyumen]. In: *Sociology today: a mosaic of areas, approaches and methods*, vol. 1, pp. 213-217. Samara: Univers-Grupp.
12. Hart K. 1999. "Neformal'nye dokhody i gorodskaya zanyatost' v Gane" [Informal Income and Urban Employment in Ghana]. In: Shanin T. (ed.). *Neformal'naya ekonomika. Rossiya i mir* [The Informal Economy: Russia and the World], pp. 532-536. Moscow: Logos.
 13. Bologna J. 2016. "The effect of informal employment and corruption on income levels in Brazil". *Journal of Comparative Economics*, August 2016, no 44 (3), pp. 657-695. DOI: 10.1016/j.jce.2015.12.001
 14. Granovetter M. 1992. "The Sociological Approaches to Labor Market Analysis: A Social Structural View". In: Granovetter M., Swedberg R. (eds.). *The Sociology of Economic Life*, pp. 233-257. Boulder: Westview Press.
 15. Gutmann P. M. 1979. "Statistical Illusions, Mistaken Policies". *Challenge*, vol. 6, no 22, pp. 14-17.
 16. Magidimisha H. H., Gordon S. 2015. "Profiling South African Gender Inequality in Informal Self-Employment". *Journal of Gender Studies*, 4 May 2015, no 24 (3), pp. 275-292. DOI: 10.1080/09589236.2013.841569
 17. Sahoo B. K., Neog B. J. .2016. "Heterogeneity and Participation in Informal Employment among Non-Cultivator Workers in India". *International Review of Applied Economics*, 19 November 2016, pp. 1-31. DOI: 10.1080/02692171.2016.1257584 [In Press]
 18. Selwaness I., Zaki C. 2015. "Assessing the Impact of Trade Reforms on Informal Employment in Egypt". *Journal of North African Studies*, 10 January 2015, p. 24. DOI: 10.1080/13629387.2014.997717 [In Press]
 19. Portes A., Castells M., Benton L. A. (eds.). 1989. "The Informal Economy: Studies in Advanced and Less Developed Countries", pp. 135-149. MD: The Johns Hopkins University Press, Baltimore.
 20. Xue J., Gao W., Guo L. 2014. "Informal Employment and Its Effect on the Income Distribution in Urban China". *China Economic Review*, 31 December 2014, pp. 84-93. DOI: 10.1016/j.chieco.2014.07.012